

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА ИЗ АШУТАСТЫ: К ИЗУЧЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ САРЫАРКИ

© 2017

Базарбаева Галия Аппазовна, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела первобытной археологии
Джумабекова Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела первобытной археологии
Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье в научный оборот вводится изображение кошачьего хищника, выявленное в ходе раскопок кургана № 10 могильника Ашутасты-1. Памятник исследовался экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством авторов в полевом сезоне 2015 г. Полученные материалы на основе анализа особенностей погребального обряда, а также по типу бронзового наконечника датируются VII–VI вв. до н.э. Территориально изученный комплекс расположен в пределах западного крыла обширного историко-культурного региона Сарыарка, протянувшегося от Шынгыстау на востоке до Улытау на западе. Очерченный ареал совпадает с территорией распространения памятников тасмолинской культуры, выделенной и обоснованной известным казахстанским археологом М.К. Кадырбаевым. Анализируемые изображения кошачьего хищника из Ашутасты-1 находят близкие аналогии среди материалов, полученных при раскопках могильников сакского времени Акбеит, Байке-2, Карашоки, Талды-2, проводившихся под руководством А.З. Бейсенова. Аналогичные по способу передачи стилистических признаков изобразительные памятники известны среди древностей синхронного круга Жетысу (Жалаулы), Южного Приаралья (Тагискен, Уйгарак), Казахско-го Алтая (Тарасу), Южного Урала (Кичигино) и Тувы (Аржан-2 Кош-Пей, Куйлуг-Хем-1).

Ключевые слова: Сарыарка; Тургай; ранний железный век; эпоха саков; тасмолинская культура; раскопки; изображение кошачьего хищника; звериный стиль; металлообработка; изобразительные памятники; образ животного; сопредельные регионы; стилистические особенности; эстетические предпочтения древнего населения Степи.

Впервые в истории изучения памятников раннего железного века Тургай представляется возможным рассуждать об изображении кошачьего хищника, полученного в ходе раскопок. Полевые стационарные исследования проводились сотрудниками отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана летом 2015 г. на кургане № 10 могильника Ашутасты-1, расположенного близ одноименного села в Аркалыкском районе Костанайской области [1–5].

Археологами данный памятник посещался несколько раз. Впервые разведочные работы на могильнике Ашутасты-1 проводились Тургайской археологической экспедицией под руководством В.Н. Логвина в начале 1990-х гг. Затем, в начале лета 2015 г., памятник посетила группа специалистов Сарыаркинской археологической экспедиции под руководством А.З. Бейсенова. По инициативе А.З. Бейсенова авторами на могильнике исследовался один из курганов.

Могильник расположен примерно в 5 км от скалистых берегов тихой степной реки Ашутасты. Несмотря на удаленность памятника от водного источника, курганы сооружены из камня. На могильнике выделяется несколько крупных курганов диаметром около и более 30 м, высотой около 1,5–2 м. Очевидно, материал, использовавшийся для строительства последних пристанищ древних ашутастинцев, добывался на берегах реки. Раскопки кургана № 10 показали, что камень укладывался в определенной последовательности. Предварительно выравнивалась площадка, возможно, производилась разметка, в пользу чего ярко свидетельствуют крупные камни-блоки, ограничивающие пространство с могилой, расположенной в геометрически правильном центре сооружения.

Курган № 10 диаметром 16,5 м, высотой 1,0 м. Поверхность объекта сильно задернована степной растительностью. Параметры могильной ямы по дну составили 2,90×1,90 м, глубина 1,8 м [2]. Изображение кошачьего хищника (рис. 1: 1) было выявлено в заполнении придонной части могильной ямы. В качестве датирующего предмета нами рассматривался бронзовый наконечник стрелы (рис. 1: 2), выявленный в западной части могилы. Погребение было сильно потревожено в древности.

Изображение кошачьего хищника изготовлено из фольги металла желтого цвета, штампованное (рис. 1: 1). Видовая принадлежность животного определяется по таким признакам, как когтистые лапы, длинный, заканчивающийся колечком хвост. Поза хищника обычно трактуется как идущий зверь. Хотя в данном случае животное находится в состоянии покоя: зверь показан стоящим. Животное изображено со слегка опущенной вниз головой, сомкнутой пастью. Линия головы выделена тонкой линией, намечены глаз и ухо. Характерными для скифо-сибирского звериного стиля приемами переданы лопатка и круп. Лапы массивные.

Поиск ближайших аналогий среди казахстанских древностей позволяет заключить, что подобные изображения чрезвычайно редки. Так, в материалах синхронного круга памятников из Восточной Сарыарки, где на протяжении последних 30 лет работает экспедиция под руководством А.З. Бейсенова, сходные стилистические приемы в трактовке анималистического образа зафиксированы в четырех случаях: Акбеит-1 (рис. 1: 8), Байке-2 (рис. 1: 7), Карашоки-1 (рис. 1: 15), Талды-2 (рис. 1: 4, 5, 13) [6–9]. Причем из Талды-2 (курган № 5) происходит большая часть изображений кошачьего хищника в рассматриваемой позе (рис. 1: 4, 5, 13). Стоящий зверь

присутствует в декоре ворворок, портупейных обоев. Здесь же зафиксированы разнообразные по подаче образа фигурки одиночного зверя. Способ

подачи изображений на портупейных обоях из Талды-2 аналогичен таковым на находке из Акбеита-1 (рис. 1: 8, 13).

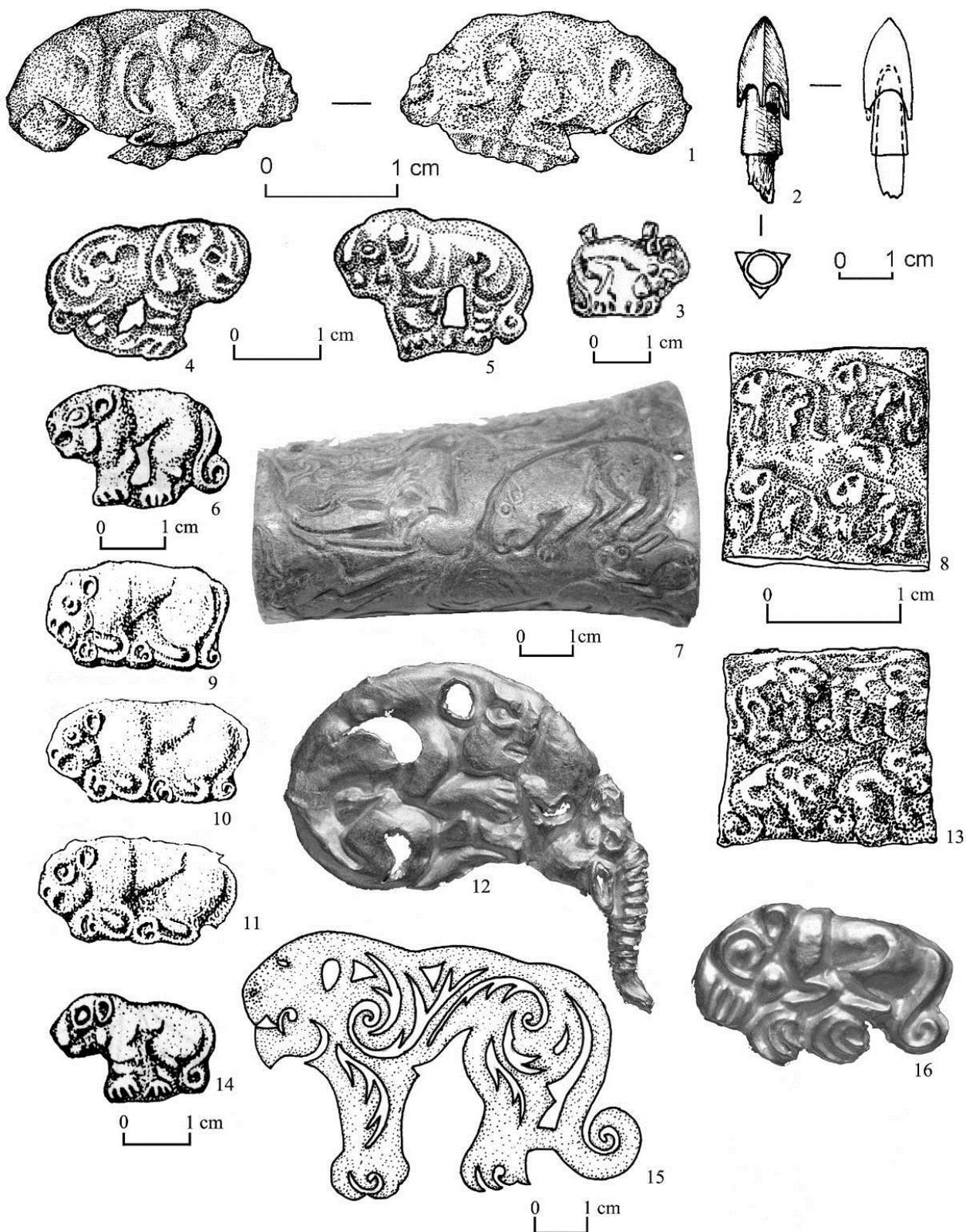

Рисунок 1 – Изображение кошачьего хищника и наконечник из Ашутасты-1 (1–2).

Аналогии зооморфному образу из Тургая в искусстве племен раннего железного века Казахстана (3–16).

1, 2 – Ашутасты-1, к. 10; 3 – Уйгарак, к. 49; 4, 5, 13 – Талды-2, к. 5;

6 – Тагискен, к. 31; 7 – Байке-2, к. 7; 8 – Акбеит-1, к. 1; 9–11 – Тагискен, к. 45;

12 – комплекс случайных находок Жалаулы; 14 – Тагискен, к. 53;

15 – Карашоки-1, к. 1; 16 – Тарасу, ограда 23.

(1, 2 – по: [2]; 3 – по: [11]; 4, 5 – по: [27]; 6, 9–11, 14 – по: [12];

7 – по: [9]; 8, 13 – по: [8]; 12 – по: [13]; 15 – по: [28]; 16 – по: [14].

9–11, 12, 16 – без масштаба)

Два кошачьих хищника, изображенные в составе «загадочной картинки» на костяном футляре из мог. Байке-2 (VII в. до н.э.), характеризуются такими изобразительными признаками, как: вытянутые вперед и чуть согнутые конечности с заметно выделенными когтями/пальцами, закрученный на кончике в спираль длинный хвост, каплевидной формы ухо, мощная грудь и обозначенная поджарость, грациозность. Заметное отличие хищников обусловлено различием материала – тонкая резьба по кости и более грубая штамповка в металле.

Изображение кошачьего хищника из Карашоки-1 сближает с ашутастиным трактовка позы, сомкнутой пасти, завершающегося колечком хвоста, массивных когтистых лап. Способ изготовления карашокинского изделия отразился в выразительных приемах передачи образа животного. Завитки, в абрисах которых угадывается сильно стилизованное изображение голов хищных птиц с крючковидно загнутыми клювами, усиливают семантическое значение предмета.

Отметим, что в Восточной Сарыарке за всю историю изучения памятников тасмолинской культуры раскопано более 200 курганов [10]. Из этого количества только в четырех объектах присутствует изображение кошачьего хищника, сопоставимого с ашутастиным. В качестве сравнения приведем данные по Южному Приаралью [11; 12]. Так, из 75 курганов исследованных на могильнике Уйгарак изображение стоящего кошачьего хищника зафиксировано лишь в одном кургане (к. 49) (рис. 1: 3), а из 38 раскопанных курганов сакского времени Тагискена только в трех курганах (№№ 31, 45, 53) присутствует анализируемый анималистический образ (рис. 1: 6, 9–11, 14). Среди древностей раннего железного века Жетысу сходный стилистический прием в трактовке зверя фиксируется в материалах комплекса случайных находок из Жалаулы. Речь идет об изображении кошачьего, терзающего антилопу [13] (рис. 1: 12).

Характерная поза кошачьего хищника находит параллели в изображениях раннескифского времени в различных регионах скифского мира. Один из близких памятников – Тарасу в Казахском Алтае [14; 15], где в подбойном захоронении вместе с ножом, колчаным крюком, зеркалом, конусовидной серьгой и гребнем была найдена бляшка в виде хищника (рис. 1: 16), скорее фантастического животного (ввиду особенностей передачи морды существа). Сходство проявляется в приемах передачи зверя: та же опущенная вниз крупная голова, ложечковидной формы ухо передано углублением за большим глазом, выделяется в абрисе головы, длинный хвост с закрученным в спираль кончиком, конечности короткие с гипертрофированными когтями/пальцами (у тарасуского поза скребущего хищника, а у ашутастинского – просто короткие толстые ноги); проработка поверхности невысоким рельефом (хищник из Ашутасты передан более грубо, смазанно).

Еще более восточные параллели выявлены среди материалов из Тувы в золотых нашивных бляшках в виде кошачьих хищников (мог. Кош-Пей – уюкско-саглынская культура, Куйлуг-Хем-1 – алды-бельская культура), а также Большой Полтаковский курган,

мог. 2, Южная Сибирь [16, рис. 88; 17, табл. 28]. В этих изображениях также гипертрофированные лапы, ухо показано внутри абриса головы, хищник показан либо припавшим к земле, либо стоящим на коротких ногах. Штамповка наложила специфический отпечаток на художественный образ хищника.

Е.С. Богданов приводит примеры изображений идущего и припавшего к земле хищника, выполненных в сходных стилистических приемах (Кош-Пей-1, Обские Плесы-2, Кривая Лука-17 [18, табл. XLI, 1, 2, 6; табл. XLII, 14]). По мнению Е.С. Богданова, иконографическая схема изображения хищника, припавшего к земле, сложилась в центрально-азиатском регионе (в районах, близких к Северному Китаю), откуда стал распространяться по степям Евразии [18, с. 58]. К.В. Чугунов отмечает, что формирование уюкско-саглынской культуры происходило при постоянных импульсах с запада, на это указывают параллели в материальном комплексе. Автор указывает, что контакты между этими регионами начались еще в раннескифское время [19, с. 176]. По мнению К.В. Чугунова, продвижение носителей определенных традиций, связанных с территорией расселения сакских племен в конце VI в. до н.э., проходило через основные пункты: Центральный и Восточный Казахстан – Верхнее Приобье – Горный Алтай – Тува в конце VII – начале VI в. до н.э. и в конце VI в. до н.э. [19, с. 177].

Стилистические признаки изображения хищников из кургана Аржан-2 очень близки между собой вне зависимости от позы, в которой воспроизведен зверь. Они же соответствуют ряду изображений из Казахстана и других регионов Центральной Азии. Помимо восточного вектора, предполагается западное направление связей: истоки причерноморских изображений хищников VI в. до н.э. следует искать в аржано-казахстанских образах [19, с. 221].

Процесс миграции с востока (Тува, Восточный Казахстан) на запад (Северный Кавказ и Северное Причерноморье) в конце VII – первой пол. VI в. до н.э. отмечает и Ю.Б. Полидович [20, с. 222]. У этих животных фиксируется разная степень вытянутости ног.

Так, в кургане Аржан-2, найдены бляшки кошачьих хищников: туловище поджарое, голова не столько опущена, сколько направлена вперед, на мощной шее, тупая морда, ухо округлое, проработаны тремя выступами лапы-когти [21, tabl. 5, 6, 37, 38, 59, 75, 143].

На территории Синьцзяна известны сакские памятники бассейна р. Или. Из одного такого комплекса происходит бляшка из золота в виде хищника в позе припавшего к земле [22, рис. 58: 12]. У животного хвост с закрученным кончиком, мощные лапы с выраженными когтями, голова крупная с обозначенными глазом, приоткрытой пастью. Невысоким рельефом смоделировано тело, складки, показаны лопатка, бедро. На голове присутствует выступ, больше похожий на заусеницу.

Еще одно направление параллелей – мог. Кичигино на Южном Урале. Параллели фигуркам зверей А.Д. Таиров и С.Г. Боталов видят в комплексах курганов 53 и 31 мог. Южный Тагискен и в Аржане-2

[23]. Бронзовые фигурки хищников из Кичигино, выполненные в низком рельефе, показаны стоящими на прямых ногах, когти не акцентированы. Массивная шея, которая переходит в выступ лопатки и отделена выступом от туловища зверя, по мнению авторов публикации, передает гриву животного – льва.

Грива обозначена и на золотых и бронзовых бляшках из кургана Аржан-2. Здесь этот эффект достигается при помощи очень массивной головы и примыкающего вплотную к ней выступа лопатки, созданного довольно высоким рельефом. Грива показана на золотых бляшках хищников из кургана № 5 могильника Талды-2. По-видимому, в Ашутасты, как части Сарыарки и тасмолинской культуры, использован такой же прием, как и в Аржане, Кичигино, Талды-2 – объединение выступа лопатки с крупной головой зверя [24, с. 240].

Наличие столь разнообразных связей с различными культурами восточных областей евразийской степи в искусстве южно-уральского памятника не позволяет считать, что эти произведения искусства были откуда-то принесены, поскольку связи перекрещиваются. Скорее всего, следует полагать, что такая картина свидетельствует о некоем едином пространстве, в пределах которого осуществлялся обмен художественными идеями. Получается, что в это пространство входило отчасти и Южное Зауралье.

Подчеркивая связи Кичигино с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, а также с культурами Приаралья, Алтая и Тувы, мы солидарны с Е.В. Переводчиковой в том, что существовала некая общность, включавшая эти территории. Вновь встает вопрос об аржано-кичигинском культурно-хронологическом горизонте второй половины VII – середины VI в. до н.э. [24, с. 242].

Е.С. Богданов, анализируя изображения копытных «на цыпочках» и хищников в канонических позах на территории Китая и Внутренней Монголии, считает не случайным преобладание в раннескифских материалах одиночного изолированного образа, а также отсутствие сюжетных композиций и сцен. По его мнению, «именно с территории Северного Китая, Внутренней Монголии и Синьцзяна будет в дальнейшем происходить самое большое количество предметов в скифо-сибирском зверином стиле» [25, с. 26, рис. 3].

Совершенно справедлив, по нашему мнению, тезис о том, что набор образов, их сочетание между собой и с определенными предметами формировался вследствие ритуально-мифологических представлений [25, с. 28].

Декор одежды и оружия нашивными бляшками в виде кошачьего хищника, имевшего широкое распространение в скифском мире, имело под собой прочное основание, как известно. Оно имело не столько декоративное значение, сколько продиктовано идейно-символическими установками.

Анализ зооморфных изображений из Сарыарки позволяет сделать вывод о том, что изображения кошачьих хищников воплощены в металле и кости. По технике изготовления они представлены художественной резьбой, вырезыванием из фольги, штамповкой, литьем. За каждым технологическим прие-

мом скрыт сложный процесс от добычи сырья до получения готового изделия.

Материалы наиболее насыщенного находками кургана № 5 могильника Талды-2 анализировались специалистами на предмет изучения состава металла [26]. По итогам проведенных работ изделия были разделены на две группы. Если происхождение первой связывается с местным сырьем, то источник металла второй группы, к которой отнесены и изображения кошачьих, пока не выявлен. В то же время высокий уровень художественной резьбы по кости (материала всегда доступного в среде древних скотоводов) свидетельствует о том, что анализируемый зооморфный образ был если не излюбленным, то довольно значимым.

Динамика встречаемости изображения кошачьего хищника в коллекциях из казахстанских памятников позволяет сделать заключение о том, что данный образ присутствует в декоре предметов из элитарных комплексов. Благородный металл зафиксирован в крупных курганах (явно не рядовых), диаметром свыше 10 м. Параметры погребальных комплексов из Южного Урала и Тувы также свидетельствуют о высоком социальном статусе владельцев. В ряде случаев это совместные погребения мужчины и женщины (Аржан-2), женщины и ребенка (Уйгарак), взрослого и ребенка (Карашоки-1).

Возвращаясь к могильнику Ашутасты-1, отметим, что изучение планиграфии памятника заслуживает специального рассмотрения. Полевые исследования, проводившиеся в окрестностях села Ашутасты в полевом сезоне 2017 г., позволяют прийти к выводу, что три группы памятников (Ашутасты-1–3) являются одним крупным могильником. Доминирующим по количеству конструкций является Ашутасты-1. Каждая группа состоит из курганов, вытянутых цепочками по линии север–юг. Монументальность наземных конструкций, протянувшиеся в сторону восходящего солнца каменные гряды протяженностью более 100 м позволяют рассуждать о существовании неких палеоархитектурных канонов в организации сакрального пространства, вероятно, сопоставимого по масштабности с храмами под открытым небом.

Изображение кошачьего хищника, воплощенное в желтом металле, – один из элементов стройной структуры мировоззрения древних ашутастинцев, создававших удивительные и масштабные каменные сооружения. Абрис осевших от времени вершин куполов курганов в лучах заходящего солнца напоминает юрты, разбросанные в тургайской степи в определенной системе. Древние ашутастинцы тонко чувствовали пространство и время, это были великие эстеты и в то же время аскеты, оставившие своеобразные степные пирамиды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований: сб. статей, посвящ. 70-летию проф. Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 294–297.

2. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Культура кочевников Тургая: этноархеологические исследования // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. Вып. 5. С. 265–271.
3. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое извлечение эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 117–121.
4. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С., Байдалы Р.Ж. Ашутасты – новый памятник тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Саки и савроматы казахских степей: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 51–55.
5. Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. New research results of Turgay nomads' culture // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2 (18). С. 109–117.
6. Bejsenov A. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasiens. In: Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens, t. II [Catalogue of the exhibition] / Ed. by Z. Samashev and T. Stoellner. Bochum, 2013. P. 595–608.
7. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. Сер. 4, история, № 4 (28). С. 71–85.
8. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия АлтГУ. 2014. № 4–2 (84). С. 31–41.
9. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Находка костяного футляра в кургане тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) // Tuzagetia. 2016. Vol. X (XXV), n. r. 1. P. 225–236.
10. Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Детские погребения сакской эпохи Центрального Казахстана // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 89–94.
11. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с. ТХАЭЭ. Т. VIII.
12. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 187 с.
13. Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы: ОФ «Берел», 2003. 336 с.
14. Самашев З., Ермолаева А., Куш Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: Онер, 2008. 200 с.
15. Samasev Z.S., Bazarbaeva G.A., Zumabekova G.S. Die «goldhutenden Greife» des Herodot und die archaologische Kultur der fruhen Nomaden im kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel' und Tar Asu // Eurasia antiqua. 2002. Band 8. S. 237–276.
16. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 255 с.
17. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
18. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
19. Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 173–178.
20. Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий. Древние культуры Евразии: матер. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 217–224.
21. Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010. 330 p.
22. Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 240 с.
23. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: ТАУС, 2010. С. 339–354.
24. Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля из кургана 5 у села Кичигино в контексте искусства кочевников восточных областей Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 238–243.
25. Богданов Е.С. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства // «Terra Scythica»: матер. междунар. симпозиума. Новосибирск, 2011. С. 23–28.
26. Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Зайков В.В., Блинов И.А. Состав золотых изделий из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан. Караганды, 2011. С. 21–25.
27. Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманит. науки. 2013. Т. 13, № 2. С. 12–17.
28. Бейсенов А.З. Предметы искусства ранних саксов Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4, № 3 (55). С. 13–17.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Проект № 2978/ГФ4 «Саки Тургая: этноархеологические исследования»).

ZOOMORPHIC IMAGE FROM ASHUTASTY: ARTISTIC CULTURE OF THE SARYARKA ANCIENT POPULATION

© 2017

Bazarbayeva Galiya Appazovna, candidate of historical sciences, leading researcher of Prehistoric Department
Jumabekova Gulnara Sainovna, candidate of historical sciences, leading researcher of Prehistoric Department
A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The paper introduces into the scientific use a zoomorphic image revealed during the excavation of the kurgan no. 10 of the burial ground Ashutasty-1. The monument was researched by the expedition of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan which was under the guidance of the group of authors in 2015. The materials received due to the analysis of funeral ceremony features, as well as a type of the bronze tip date back to VII–VI centuries BC. Geographically the studied complex is located within the west wing of the vast historical and cultural region Saryarka stretching from Shyngystau in the east to Ulytau in the west. Delineated area coincides with the geographical location of the Tasmola cultural monuments, revealed and introduced by a well-known Kazakh archaeologist M.K. Kadyrbayev. The analyzed image of feline predator Ashutasty-1 have close analogies among the materials obtained during the excavation of the Saka time burials such as Akbeit, Baike-2, Karashoky, Taldy-2. The research works were conducted under the direction of A.Z. Beisenov. Pictorial monuments are known among the antiquities of the synchronous range monuments: Jetysu (Jalauly), Southern Aral area (Tagisken, Uigarak), Kazakh Altay (Tarasu), Southern Ural (Kichigino) and Tuva (Arjan-2, Kosh-Pey, Kuilug-Hem-1).

Keywords: Saryarka; Turgay; early Iron Age; Saka times; Tasmola culture; excavations; image of cat predator; zoomorphic style; metal work; fine monuments; image of animal; adjacent regions; stylistic features; aesthetic preferences of ancient population of Steppe.

УДК 908

Статья поступила в редакцию 28.03.2017

ДИНАМИКА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗАВЕДЕНИЙ САМАРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2017

Макитрин Константин Михайлович, кандидат исторических наук,
 доцент кафедры отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматривается состояние и тенденции развития торгового и промышленного секторов города Самары в конце XIX – начале XX в. Исследование проводилось на основе анализа архивных материалов (результатов проверок торговых и промышленных заведений, отчетов податных инспекторов города Самары, сведений о количестве выданных торговых и промышленных документов и свидетельств различных разрядов) и статистических данных, содержащихся в календарях и памятных книжках Самарской губернии. Автором были определены группы самарских торговых заведений и промышленных предприятий. Установлены основные и преобладающие виды деятельности в торговой и промышленной сферах города Самары. Прослежены изменения и тенденции в развитии выделенных автором групп. Проведенные исследования показали, что на рубеже XIX–XX вв. торговая сфера Самары однозначно преобладала над производственным сектором, в первую очередь по количеству заведений. Изучение видов деятельности торговых и промышленных заведений также однозначно свидетельствует о бурном развитии самарской экономики в конце XIX – начале XX в.: появлении новых видов деятельности, неуклонном увеличении количества предприятий и заведений, а также их относительном укрупнении.

Ключевые слова: самарская торговля; самарская промышленность; разряды самарских предприятий; самарские торговые заведения; самарские промышленные заведения; самарские торговые документы; самарские торговые свидетельства; самарские свидетельства для промышленных предприятий; виды торговых заведений в Самаре; виды промышленных предприятий в Самаре.

Изучение состояния и развития торговли и промышленности провинциальной России конца XIX – начала XX в. всегда сохраняет свою актуальность, поскольку является одной из составляющих вопроса о месте и роли провинциальной буржуазии и предпринимательских кругов в социальной и политической структуре Российской империи. В региональной историографии данная тема особенно активно разрабатывается с последней четверти XX в. В первую очередь нужно отметить работы Н.Л. Клейн [1–3]. Однако данная тема, на наш взгляд, нуждается в постоянном дополнении новыми материалами и введении в оборот новых, ранее не публиковавшихся источников.

Целью данного исследования является изучение самарской торговли и промышленности на рубеже XIX–XX вв.

На рубеже XIX–XX вв. самарские торговля и промышленность были представлены разнообразными предприятиями и заведениями. Изучение их принадлежности к тому или иному виду деятельности, а также анализ выдававшихся торговых документов и свидетельств различных разрядов позволили нам составить краткую характеристику торгово-промышленного сектора самарской экономики.

В 1894 г. всех фабрик и заводов в Самарской губернии насчитывалось 1402. Различной продукции они вырабатывали на 10488542 рублей. Собственно,